

Тихонова Дарья Владимировна

преподаватель

ФГКВОУ ВО «Военная академия войсковой

противовоздушной обороны ВС РФ

им. маршала Советского Союза А.М. Василевского»

Минобороны России

г. Смоленск, Смоленская область

DOI 10.21661/r-113802

ПОНЯТИЕ «ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ»: ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ЗНАЧЕНИЕ, ТИПОЛОГИЯ

Аннотация: в статье рассматривается проблема толкования термина «языковая личность» в исторической ретроспективе. Особое внимание уделяется анализу существующих классификаций изучаемого феномена. Делается вывод о необходимости дальнейшей систематизации знаний по данному вопросу.

Ключевые слова: языковая личность, уровни языковой личности, компоненты языковой личности, типы языковых личностей.

Одним из передовых подходов к изучению языка в XX–XXI веках стал антропологический – точка зрения, согласно которой человек – его сознание, мышление, культура, духовная жизнь – является основой познания всех аспектов языка. Антропоцентризм в языкознании обусловил появление большого количества смежных наук: социолингвистики, этнолингвистики, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, культурной семантики и др. Объектом междисциплинарных исследований, сквозной идеей, которая «пронизывает и все аспекты изучения языка и одновременно разрушает границы между дисциплинами» [7, с. 3] стала языковая личность.

Понятие «языковая личность» впервые встречается в трудах ученых-языковедов XX века Й.Л. Вайсгербера и В.В. Виноградова. В монографии «Родной

язык и формирование духа» (1927) Й.Л. Вайсгербер пишет: «...язык представляет собой наиболее всеобщее культурное достояние. Никто не владеет языком лишь благодаря своей собственной языковой личности; наоборот, это языковое владение вырастает в нем на основе принадлежности к языковому сообществу...» [4, с. 81]. В 1930 году в работе «О художественной прозе» В.В. Виноградов впервые в отечественной науке употребляет словосочетание «языковая личность». Рассуждая о важности социально-языкового контекста для науки о языке и о формах индивидуально-языкового творчества, автор подчеркивает, что Бодуэн де Куртенэ «...интересовала языковая личность как вместилище социально-языковых форм и норм коллектива, как фокус смещения и смешения разных социально-языковых категорий» [5, с. 61]. Говоря о лингвистике речи (*la linguistique de la parole*), описываемой Ф. де Соссюром, В.В. Виноградов пишет, что при изучении словесного творчества личности «...социальное ищется в личностном через раскрытие всех структурных оболочек языковой личности» [5, с. 91]. Необходимо отметить, что ни один из лингвистов не дает дефиницию новому понятию.

В середине XX века внимание ученых было сосредоточено на изучении философских аспектов «языковой личности», а именно на выделении общего и частного, образа автора-создателя произведения, повествователя и образа персонажа. Сам термин употреблялся обобщенно и не представлял собой самостоятельного объекта изучения.

В конце XX века в связи с формированием нового объекта изучения – говорящей личности – проблема языковой личности вызвала повторный интерес.

В наши дни, как и раньше, в языкознании существуют определенные разногласия по поводу выбора термина, наиболее точно обозначающего понятие языковой личности: «языковая личность» (В.П. Тимофеев, Ю.Н. Караполов), «человек говорящий» (Н.Д. Арутюнова), «речевая личность» (Ю.Е. Прохоров), «коммуникативная личность» (В.В. Красных). Мы отдаем предпочтение термину «языковая личность», вслед за В.М. Борисовой полагая, что он включает в себя

и речевую (парадигматические отношения), и коммуникативную (проявление языковой личности в конкретной ситуации общения) личности [3].

В 1980 г. Г.И. Богин в монографии «Современная лингводидактика» определяет языковую личность, как человека, рассматриваемого «с точки зрения его готовности производить речевые поступки. <...> Языковая личность – тот, кто присваивает язык, то есть тот, для кого язык есть речь. Языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» [1, с. 3]. Позднее ученый дает более полную дефиницию языковой личности – «человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [2, с. 1]. Таким образом, речь индивида является основной для характеристики его языковой личности.

Серьезный вклад в толкование термина «языковая личность», разработку моделей языковой личности внес видный советский и российский лингвист Ю.Н. Караулов. В 1987 году выходит книга «Русский язык и языковая личность», в которой ученый предлагает следующую трактовку данного понятия: «языковой личностью можно называть совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся: а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности и в) определенной целевой направленностью» [8, с. 245]. При анализе определений, данных Г.И. Богиным и Ю.Н. Карауловым можно заметить, что у последнего родовая категория языковой личности представлена описательно как «совокупность способностей», в то время как у первого родовым понятием становится «человек». Е.В. Иванцова, сравнив вышеупомянутые дефиниции, считает целесообразным принять «личность» в качестве родового понятия для изучаемого термина, поскольку именно личность, отраженная в языке, является объектом исследования смежных наук. Исследователь отмечает, что в работах Ю.Н. Караулова термин «языковая личность» соотносится не только с реально существующим носителем языка, но и с коллективом носи-

телей языка в целом [6]. В дальнейшем вслед за Ю.Н. Карауловым и другие учёные, такие как В.П. Нерознак, Н.С. Трубецкой, И.И. Сентенберг, придерживались данной позиции [10; 13].

Значимость работ Ю.Н. Караулова для развития теории языковой личности также обусловлена тем, что он одним из первых предложил её структурировать. По Ю.Н. Караулову, языковая личность включает в себя три уровня: вербально-семантический (нулевой), когнитивный (первый), прагматический (второй).

Единицами нулевого уровня являются стереотипные слова, клише, воспринимаемые языковой личностью как данность. Для носителя уровень лексикона подразумевает нормальное владение языком. При анализе дискурса личности на вербально-семантическом уровне задачей исследователя является традиционное описание формальных средств выражения определенных значений.

Понятия, идеи, концепты – единицы первого уровня. Знания о мире на данном уровне обуславливают знания личности о себе. Через язык, через процессы говорения, понимания исследователь выходит к процессам познания человека. На тезаурусном уровне происходит выявление и установление иерархии смыслов и ценностей в картине мира языковой личности, её интеллектуальная составляющая выходит на передний план. По мнению Ю.Н. Караулова, именно с этого уровня начинается собственно языковая личность.

Единицы второго уровня – деятельностьно-коммуникативные потребности. Он включает интересы, цели, мотивы, установки и интенции личности. На данном уровне происходит переход от анализа речевого акта личности к осмыслинию реальной действительности. Это высшая структурная ступень в типологии языковой личности, наиболее подверженная индивидуализации [8].

Т.Г. Рублик, описывая иерархию языковой личности, подчеркивает, что в целостном дискурсе уровни языковой личности тесно взаимосвязаны и между ними нет четких границ [11].

В.И. Карасик под языковой личностью понимает человека, пребывающего в языковом пространстве – в общении, в стереотипах поведения, существующих в

языке, в значениях языковых единиц и смыслах текстов. Он выделяет пять аспектов или компонентов языковой личности: 1) языковую способность, подразумевая под ней естественную возможность научиться осуществлять коммуникацию; 2) коммуникативную потребность; 3) коммуникативную компетенцию, которой индивид овладевает; 4) языковое сознание, как отражение внешнего мира во внутреннем; 5) речевое поведение. Важнейшим компонентом речевой организации человека В.И. Карасик считает языковое сознание, инкорпорирующее чувства, волю, мышление, память в их абсолютном единстве. Языковая способность и коммуникативная потребность, являющие собой предпосылки для овладения языком и осуществления взаимодействия, совместно с коммуникативной компетенцией, отвечающей за выбор средств общения, реализуются в конкретном речевом действии, отраженном в тексте, как результате деятельности индивида, а не коллектива [7].

Как замечает К.Ф. Седов, «одна из наиболее насущных задач, которые стоят перед современной антропоцентрической лингвистикой, – создание типологии языковых личностей, способной отражать индивидуальные особенности речевого поведения носителей языка» [12, с. 3]. Так как языковая личность многогранна, типы языковых личностей выделяются в зависимости от подхода к предмету изучения, который может быть реализован либо с позиции личности (этно-культурологические, социологические и психологические типы личностей), либо с позиции языка (типы речевой культуры, языковой нормы).

С точки зрения этнолингвистики В.И. Карасик выделяет типы носителей базовой и маргинальной культур для конкретного общества, вычленяемые на основе оппозиции «свой – чужой», где «свой» общается на естественном для него (родном) языке. В соответствии с данной классификацией выделяются три типа языковых личностей: 1) человек, в коммуникативной среде которого общение на родном языке является естественным; 2) человек, в коммуникативной среде которого естественным является общение на чужом языке; 3) человек, говорящий на чужом языке с учебными целями, которые не относятся к характеристикам естественной среды общения [7].

В основе классификации К.Ф. Седова лежит «доминирующая установка по отношению к участникам общения». Ученый описывает следующие типы языковых личностей:

1. Конфликтный тип, характеризующийся установкой на себя и против партнера по коммуникации. Здесь К.Ф. Седов выделяет два подтипа: «конфликтный агрессор», показывающий открытую враждебность, и «конфликтный манипулятор», воспринимающий партнера по коммуникации как объект манипуляции.

2. Центрированный тип, с установкой на себя и с игнорированием партнера по коммуникации. К.Ф. Седов различает «активно-центрированный» и «пассивно-центрированный» подтипы.

3. Кооперативный тип демонстрирует одновременную установку на себя и на партнера по коммуникации. Два подтипа, выделяемые в данном типе – «кооперативно-конформный» и «кооперативно-актуализаторский» [12, с. 22–23].

Взяв за основание классификации речевую культуру индивида, можно выделить такие языковые личности, как носитель элитарной речевой культуры (относительно литературной нормы), носитель диалектной речевой культуры, носитель городского просторечия и т.д. [14].

Известны и другие типологии языковых личностей. Если сопоставить и совместить представленные выше классификации, то можно заметить, что в целом они соотносятся друг с другом, дополняя и подробнее характеризуя особенности конкретных языковых личностей.

Итак, термин «языковая личность» успешно закреплен в современной лингвистике. Обилие его толкований демонстрирует как развитие многозначности, так и тенденцию к устраниению нежелательной для научной терминологии полисемии. Рассмотренные в нашей статье типологии языковых личностей имеют большое значение не только для описания речевого поведения языковой личности, но и для дальнейшей систематизации накопленного по данной проблеме опыта.

Список литературы

1. Богин Г.И. Современная лингводидактика. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1980. – 61 с.
2. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Калинин: КГУ, 1986. – 86 с.
3. Борисова В.М. Проблема языковой личности автора как категория художественного текста // Филологические науки. – 2006. – №5 (2). – С. 185–190.
4. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.
5. Виноградов В.В. Избранные труды. О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
6. Иванцова Е.В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – №4 (12). – С. 24–32.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – В.: Перемена, 2002. – 477 с.
8. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
9. Михалевич О.В. Проблема изучения языковой личности в лингвистике: исторический аспект // Вестник КРАУНЦ. – 2011. – №1 (17). – С. 145–151.
10. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 1996. – Вып. 496. – С. 112–116.
11. Рублик Т.Г. Языковая личность и её структура // Вестник Башкирского университета. – 2007. – №1. – С. 99–101.
12. Седов К.Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: психо- и социолингвистический аспекты. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1999. – 180 с.

13. Сентенберг И.И. Языковая личность в коммуникативно-деятельностном аспекте // Языковая личность: проблемы значения и смысла. – Волгоград: Пере-мена, 1994. – С. 14–25.

14. Сиротинина О.Б. Языковая личность и факторы, влияющие на ее станов-ление // Термин и слово. – Н. Новгород, 1997. – С. 7–12.